

4. Патриотизм, смягчение режима и социальный консенсус

Бессвязная, разрываемая разнонаправленными тенденциями, неизменно игнорирующая интересы местного населения — за исключением не меняющего общей картины случая кавказских горцев — гитлеровская «восточная политика» терпела крах. Развитие партизанского движения свидетельствовало о решимости сопротивляться оккупации и у населения, имевшего много причин для недовольства советским строем (особенно в сельских районах, прошедших через принудительную коллективизацию и вызванный ею голод). До относительной стабилизации фронта после битвы за Москву сопротивление на оккупированных территориях было очень слабым. Население заняло выжидательную позицию, и бойцы, оставшиеся во вражеском тылу и избежавшие плена, оказались в этих районах, потрясенных масштабом поражений, в изоляции. Первые партизанские отряды, стихийно сформировавшиеся из этих солдат и ушедших в подполье коммунистов, начали действовать в Тульской и Калининской областях зимой 1941 — 1942 гг. До 30 мая 1942 г., когда в Москве был создан Центральный штаб партизанского движения, сопротивление на оккупированных территориях оставалось по большей части вне всякого контроля со стороны не только советского военного командования, но и партии. Жестокость оккупантов, угон населения в Германию усилили партизанское движение, которое в большой степени зависело от отношения к нему местного населения. Начиная с осени 1942 г. партизаны установили контроль над рядом районов, прежде всего в Белоруссии, северной части Украины, в Брянской, Смоленской и Орловской областях. К этому времени Центральный штаб партизанского движения, стремясь установить тесное взаимодействие между партизанами и регулярной армией, наладил переброску в немецкий тыл оружия и организовал подготовку нескольких сот командиров партизанских отрядов. Значение партизанских операций возросло к концу 1942 г., когда немецкие коммуникации оказались сильно растянутыми. Для их охраны и борьбы с партизанским движением только в октябре 1942 г. с фронта были сняты 22 немецкие дивизии. Действуя как вспомогательные силы Красной Армии, партизанские группы совершили за шесть решающих месяцев, с октября 1942 по март 1943 г., 1,5 тыс. диверсий на железных дорогах, значительно замедлив доставку немецкой боевой техники на фронт. К осени 1943 г. из строя было выведено более 2 тыс. км железнодорожных путей. Немцы предприняли тщетную попытку посредством масштабной карательной операции с участием десяти дивизий уничтожить белорусских партизан (насчитывавших до 100 тыс. человек), которые базировались в лесах юга республики. Не сумев разгромить партизанскую армию, гитлеровские каратели сожгли несколько тысяч белорусских деревень, стремясь лишить партизанское движение его базы.

Несмотря на неоспоримый военный вклад партизан, отвлекавших на себя до 10% немецких сил на Восточном фронте, военно-политическое руководство так и не смогло полностью отрешиться от недоверия к движению, которое на какое-то время развивалось без всякого контроля и к тому же было неопровержимым свидетелем политического вакуума, созданного в 1941 г. в целых районах беспорядочным бегством советских гражданских и военных властей. Когда регулярная армия вошла в «партизанские края», ожидавшие немедленного зачисления в ее ряды партизаны были вместо этого отправлены в тыл для должного «перевоспитания».

Поражения первых месяцев войны, многочисленные попытки немцев дестабилизировать советский режим, используя политическое, национальное и социальное недовольство населения, безусловная необходимость патриотического подъема не могли не оказать воздействия на некоторые аспекты сталинской идеологии. Русские ценности, национальные и патриотические, реабилитированные во второй половине 30-х гг., с новой силой прозвучали в речи Сталина, переданной по радио 3 июля 1941 г. Отказавшись от слова «товарищи», звучащего слишком по-революционному, Сталин избрал традиционное обращение к народу, которое на протяжении веков звало к

национальному единению: «Братья и сестры! Смертельная опасность нависла над Отечеством». Ссылки на великий русский народ «Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова» прочно заняли свое место в идеологическом контексте «священной войны». Принимая 7 ноября 1941 г. парад уходящих на фронт войск Сталин призвал их вдохновляться в сражениях «мужественными образами наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Суворова и Кутузова». Восстановление традиционных ценностей в армии, окончательный отказ от института политкомиссаров в пользу принципа единоначалия были шагами в том же направлении. Вместе с тем последовательно проводилась мысль о том, что именно русский народ — первый среди равных — несет основную тяжесть Великой Отечественной войны. Чтобы нейтрализовать адресованную нерусским меньшинствам фашистскую пропаганду, подчеркивались исторические связи, объединявшие Россию с другими народами, прославлялись такие исторические личности, как Богдан Хмельницкий, присоединивший Украину к России, В советских и партийных аппаратах республик в эти годы снова стали продвигаться национальные кадры.

Второй аспект идеологической эволюции режима за годы войны состоял в сближении с Русской православной церковью, неразрывно связанной с национальной историей. Поворот оказался достаточно легким в значительной мере благодаря позиции, занятой самой церковью. В первый же день войны митрополит Сергей в своем пастырском послании благословил народ на «защиту священных рубежей Родины». Реакция советской власти не заставила себя ждать: в сентябре 1941 г. были закрыты антирелигиозные периодические издания, распущен «Союз воинствующих безбожников». В 1942 г. митрополиты Алексей и Николай были приглашены к участию в работе Комиссии по расследованию фашистских преступлений. 9 ноября 1942 г. «Правда» опубликовала поздравительную телеграмму митрополита Сергея Сталину: «Я приветствую в Вашем лице богоизбранного вожда... который ведет нас к победе, к процветанию в мире и к светлому будущему народов...» 4 сентября 1943 г. три высших иерарха Русской православной церкви были приняты Сталиным в Кремле, что подвело черту под годами разрыва между государством и церковью {в этом случае, как и в других, поворот в войне позволил Сталину отступить от своей политики так, что никто не заподозрил его в капитуляции перед лицом безвыходной ситуации). Во время встречи Сталин дал согласие на избрание патриарха, который бы занял пустовавший с 1924 г. престол. Созванный через три дня Поместный собор — первый с 1917 г. — избрал патриархом митрополита Сергея, фактически возглавлявшего церковь в течение семнадцати лет. В следующем месяце правительством был создан Совет по делам русской православной церкви под председательством Г.Карпова. После смерти патриарха Сергея престол занял ленинградский митрополит Алексей, избранный 2 февраля 1945 г. на соборе, одновременно одоббившем новое Положение об управлении Русской православной церковью. В августе 1945 г. церкви было разрешено приобретать здания и предметы культа. Сближение с православием сопровождалось мерами по урегулированию отношений с исламским духовенством. В октябре 1943 г. в Ташкенте было создано Центральное управление мусульман. Водворение муфтия, засвидетельствовавшее в глазах правоверных добрую волю советской власти в отношении ислама, нарушило немецкие планы в Крыму и на Кавказе.

Учитывая немецкие стремления к деколлективизации — очень осторожной — сельского хозяйства, советское правительство постаралось обеспечить себе поддержку крестьянства. Эта задача была особенно трудной. Каковы бы ни были намерения государства, ему было необходимо изымать (что, естественно, власти популярности не прибавляло) все большую часть урожая в экономической обстановке, которая сильно усложнилась из-за сокращения числа колхозников, реквизиции армией большей части лошадей, полного прекращения производства тракторов и другой сельскохозяйственной техники, что привело к падению производительности труда в сельском хозяйстве почти на 40%. Для компенсации невероятно низких закупочных цен, которые не покрывали и четверти себестоимости почти всей продукции коллективных хозяйств, сокращения размеров натуральной оплаты труда колхозников до 75%, местным властям, сильно ослабленным к тому же уходом на фронт большей части из

200 тыс. сельских коммунистов, пришлось разрешить большую свободу в реализации крестьянами продукции их подсобных хозяйств. В условиях карточной системы и растущего недостатка продуктов колхозный рынок заметно активизировался, обеспечивая 50% потребления продовольствия горожанами (против 20% накануне войны) и 90% денежных доходов колхозников. В такой ситуации равнодушие крестьян к коллективному труду не могло не расти, и участие крестьянства в общих усилиях страны обеспечивалось при помощи ставки на личные интересы колхозника. Это было признанием слабости проводившейся с начала 30-х гг. политики и крупной уступкой крестьянству.

Ослабление политического и идеологического контроля ради экономической эффективности наблюдалось и на промышленных предприятиях. Прекращение разного рода «политических собраний» в рабочее время сопровождалось передачей организационных и кадровых вопросов в исключительное ведение технических руководителей. Схожим образом, хотя и с некоторым запаздыванием, события развивались и в армии после ликвидации института политических комиссаров. На службу патриотической и национальной пропаганде были мобилизованы все литературные и художественные формы. Идеологический контроль был смягчен, многие писатели, поэты и композиторы, до войны вынужденные молчать, получили возможность публиковать свои произведения при соблюдении единственного критерия — их патриотической направленности. Известное ослабление политического и идеологического контроля выразилось также в массовом привлечении в партию с августа 1941 г. «всех отличившихся на поле боя». За годы войны в партию вступили 4 млн. советских граждан, в основном военные из действующей армии, привлеченные лозунгами патриотизма и борьбы за свободу Родины. В начале 1945 г. ВКП(б) насчитывала более 5,7 млн. членов.

Утверждению идеологии, во все большей степени исходившей из идей патриотизма и народности, сопутствовала возрастающая персонификация высшей власти на вершине государственной иерархии. Начало этому процессу положила концентрация всех полномочий, гражданских и военных, в руках Сталина. Заменяя 6 мая 1941 г. Молотова на посту председателя Совета Народных Комиссаров, Сталин впервые с 1917 г. соединил традиционно разделенные партийную и государственную власть. С началом войны он возглавил ГКО, Ставку Верховного Главнокомандования и Народный комиссариат обороны, а затем произвел себя в Маршалы и Генералиссимусы. Выправляя сильно пошатнувшееся вначале положение (во многом из-за собственных ошибок), Сталин сумел, благодаря победам Красной Армии, особенно под Сталинградом, и росту своей популярности на международной арене, стать воплощением вновь обретенной национальной гордости. Его личность отождествлялась с высшей ценностью — Родиной, и солдаты шли в бой с криком: «За Родину, за Сталина!» Ни разу не побывав в войсках на фронте или в тылу, он сумел заставить народ поверить в свою непогрешимость, рассеять сомнения и горечь предшествующих лет, свалить на подчиненных ответственность за совершенные ошибки.

Наконец, последний аспект эволюции в идеологической и политической сфере, привлекая в то время всеобщее внимание, заключался в очевидном отмежевании советского руководства от идеи мировой революции и в упразднении Коминтерна — основного орудия подрывной политической деятельности СССР, единодушно осуждавшегося в предвоенные годы международным сообществом 15 мая 1943 г. Сталин распустил эту организацию, которая, как он объяснил, «выполнила свою миссию». Этот акт был призван лишить почвы утверждения фашистской пропаганды о стремлении Москвы вмешиваться в жизнь других государств и даже большевизировать их, объединяя различные течения движения Сопротивления в оккупированных странах. Несколько месяцев спустя революционная песня «Интернационал», с 1917 г. служившая гимном СССР, была заменена гимном во славу Родины и Сталина. Распуская Коминтерн, Сталин, конечно, уступал давлению, оказываемому на него союзниками, но вместе с тем он уже думал о послевоенной перспективе и стремился устранить с пути европейских компартий, во многих странах стоявших перед реальной перспективой прихода к власти, препятствие, которым могло бы стать всякое обвинение в том, что они являются агентами Москвы.

Идеологическим изменениям, произошедшим в годы войны, была суждена более или менее продолжительная жизнь. Так, новые отношения между государством и Русской православной церковью, упор на всенародное единство вокруг идеи советской Родины, наследницы великого русского государства (эта тема уже обозначилась до войны), возрастающая персонификация власти станут устойчивыми элементами идеологии в послевоенный период. В других аспектах эволюция оказалась более эфемерной, как в случаях ослабления идеологического контроля над интеллигенцией и экономического — над крестьянством. Война заставила частично отказаться от волюнтаристских методов в хозяйственной сфере, что проявилось в росте роли свободного рынка и терпимости по отношению к мелкотоварному производству. Этому «дрейфу в сторону консенсуального правления» (Ж.Сапир), составившего наряду с национализмом и патриотизмом один из основных элементов национального согласия во время войны, предстояло закончиться с возвращением к миру.